

# РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК: 82.091

## ОСОБЕННОСТИ ЮМОРА В СКАЗКАХ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА И РАССКАЗАХ ЮРИЯ КОВАЛЯ

**Чернова Мария Михайловна,**

*учитель русского языка и литературы*

*ГБОУ «Школа № 1770»,*

*аспирант кафедры русской литературы*

*ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,*

*115407, РФ, г. Москва, Затонная ул., д. 2, кв. 33,*

*тел.: 8 (916) 889-40-41, e-mail: ptashka10@mail.ru*

*В статье анализируется характер юмора как феномена детской сказочной прозы. Значительное место отводится сравнительному анализу словесного текста сказок Сергея Козлова и рассказов Юрия Коваля.*

**Ключевые слова:** юмор, игра, фантастическое, индивидуальный стиль.

Смех, проявляющийся в разных социально-культурных обстоятельствах, может выполнять различную роль, служить различным целям. В социально-нравственных условиях – он критика, бьющая по несправедливости мира. Социально-философское содержание смеха привлекало и философов, и филологов, и историков культуры. Что же касается литературной практики, то особое место смеховому началу принадлежит в литературе, адресованной детям. Смеховое начало в произведениях, адресованных детям, реализуется, как правило, через юмор.

Юмор выполняет несколько функций, одна из которых – поднять настроение. В этом заключается развлекательная функция юмора, для

реализации которой в искусстве используются такие приемы создания комического, как пародия, шарж, карикатура, а на языковом уровне – каламбур, игра слов. Юмор словесного текста, дополненный красочными шаржами, которые, кстати сказать, воспринимаются в единстве с содержанием, улучшает восприятие текста, заинтересовывает, развлекает читателей. Безусловно, юмор многофункционален и не может служить только развлечению. Юмор, как известно, имеет и разоблачающую функцию. Высмеивая несовершенства общества, человеческие пороки, снимая своим воздействием все наносное, юмор обнажает суть вещей. Конечно, смеховое содержание литературного произведения не может быть узконаправленным, а юмор не может только отрицать и разоблачать. Обнажая пороки, все формы неравноправия, несправедливость мира, юмор тем самым показывает, как не должно быть с точки зрения гуманности и человечности, и оказывает воспитательное воздействие на читателя.

Самое «юморное» время в детской литературе XX века – 1960-е – 1970-е годы – именно тогда к творчеству для детей обратились такие писатели, как Сергей Козлов и Юрий Коваль. Художники слова использовали большое количество смеховых форм, переосмысляя традиции народных сказок.

Выявляя особенности индивидуального стиля Сергея Козлова, целесообразно прибегнуть к сравнительному анализу. Обратимся для этого к сказкам из книги «Все–все–все о Ежике» Сергея Козлова и к рассказам из сборника «Чистый Дор» (1970) Юрия Коваля, чтобы выявить особенности индивидуального стиля и увидеть общее, что им свойственно. Помимо наблюдений за текстом произведения, одним из основных способов определения специфики индивидуального является анализ литературного контекста, в котором он воплощается, реализуется. Так, М. М. Бахтин в поздних набросках «К методологии гуманитарных наук» (1974) отмечал, что «...текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [1, 384]. Посредством «диалога» между текстами выявляются особенности художественного стиля писателей. Как замечает литературовед: за контактом произведений стоит «контакт личностей».

Проза известных писателей Юрия Коваля и Сергея Козлова представляет собой синтез лирического, поэтического, психологического и юмористического начал. В статье акцент делается на юмористические функции как сказочные в художественных текстах писателей, идеальным читателем для которых является ребенок. Но, конечно, С. Козлов поднимает в своих книгах проблемы, которые полностью могут быть

осмыслены и поняты только человеком с большим жизненным опытом.

Заглавие произведения – сильная позиция текста. Так, в название рассказа «Фиолетовая птица» Ю. Коваль вынесен зооморфный образ, настраивающий читателей на сказку. В сказочном пространстве фиолетовая птица имеет богатый ассоциативный ряд: «райская» птица, необычная, красивая, выделяющаяся среди других. Символический образ птицы восходит к фольклорному. Весенние заклички, связанные с приходом весны, не обходятся без этого образа. Также стоит упомянуть о трансформации интересующего нас мифологического архетипа в произведениях словесного искусства, где Птица представляется символом души, готовой покинуть свое тело. Конечно, эпитет «фиолетовая» не свойственен фольклору. В рассказе мы находим, вопреки ожиданиям чего-то фантастического, вполне реалистическое повествование: «Три курицы бродили у Зуюшки во дворе. Две-то были знакомые пеструшки, а третья – необыкновенного фиолетового цвета...

– Что это за масть у неё?

– Она белая, – сказал дядя Зуй. – Но, видишь ты, белые куры в каждом дворе, так я её чернилами приметил, чтоб не спутать.

– Гляди, станет она фиолетовые яйца носить.

Тут курица вдруг подошла ко мне и – хлоп! – клюнула в сапог» [2, 21].

Речь в рассказе идет о курице необычного фиолетового цвета. Ю. Коваль рисует типичный образ курицы: «...вела она себя нормально, говорила «ко–ко–ко» и клевала намятую вареную картошку» [2, 21]. Вспоминается Министр из повести–сказки Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» [3], представший перед Алешей в виде обычной, на первый взгляд, курицы Чернушки, которая, однако, также выделялась цветом среди других кур во дворе. Коваль сразу же развенчивает сказочный колорит, заданный заглавием, давая логичное бытовое объяснение экзотическому окрасу персонажа: «Но, видишь ты, белые куры в каждом дворе, так я её чернилами приметил, чтоб не спутать» [2, 21]. Далее в тексте необычное поведение курицы, нападавшей на сапог гостя, также лишается фантастического: «Сапоги были все облеплены весенней грязью. С утра я ходил на конюшню, а там кто-то просыпал овёс. Потом белил яблони, обкапал сапоги известью. Каждый сапог превратился теперь в глиняный пирог с овсом и с известью» [2, 21]. Таким образом, курица лакомилась угощением, а не привлекала внимание героя. А приходящий на ум фразеологизм «Курица – не птица, баба – не человек» из знаменитого памятника древнерусской литературы «Домострой» [4] сразу умаляет поэтическое начало как ассоциативный ряд в рассказе. Юмористическое создается

посредством шаржированного образа «нормальной» курицы, которая, кстати, не кудахтала, а *говорила* «ко–ко–ко». Также автор использует прием «обманутого горизонта ожидания», на котором, кстати, основано большинство анекдотов.

В рассказе «Березовый пирожок» повествование также строится на постепенном разоблачении фантастического. Юрий Коваль в заглавии к произведению юмористически обыгрывает идиоматическое «березовый сок», создавая сказочный колорит и настраивая ребенка на ожидание нереалистического повествования. Однако, рассказ начинается с бытовой зарисовки: «Братья Моховы с Нюркою пошли в лес по ягоды, а я так пошёл, сам по себе. И хоть шёл я сам по себе, а они по ягоды – всё равно мы всё время оказывались рядом. ...Эти братья особенно надоедали – бидонами дрались, валуями кидались или вдруг начинали кричать:

– Надо свинку подколоть! Надо свинку подколоть!» [2, 29]

Главными героями выступают не сказочные персонажи, а деревенские дети. Просторечное «Надо свинку подколоть!» отсылает читателей к фольклорной традиции. Местное фольклорное выражение не знакомо рассказчику и не воспринимается им изначально как иносказательное. Свинка, как что-то большое, питательное и ценное, оказывается метафорой «черной от густой красноты» земляники, так метко подобранной местными жителями: «Земляника, – согласилась Нюрка. – Но только – свинка» [2, 29]. Конечно, в рассказе Ковалья заключается и мощное лирическое начало: «Снял ягоду со стебля, положил в рот и понял, что и вкус у неё особенный. У простой земляники солнечный вкус, а тут – лесной, болотный, сумрачный» [2, 30]. Вкусовой образ автор создает посредством контрастных эпитетов: «солнечный» – «лесной, болотный, сумрачный», вызывающих известные каждому впечатления и ассоциации. Писатель обращается к органичной игре: «Погодите, я сейчас пирожков напеку» [2, 30]. Что, безусловно, близко как юному, так и взрослому читателю и отсылает к игре в песочнице, где тоже можно напечь пира. И Заяц поплыл» [5, 102]. Сказочный персонаж воспринимается как аллегория детства. В Зайце легко уловимы шаржированные черты ребенка, детскость. Далее к «Зайцу – рыбе» присоединяется еще жок. Пирожок, который с самого начала рассказа держал читателя в напряженном ожидании чего-то неожиданного, фантастического, оказался пятью земляничинами, завернутыми в березовый листок: «Она сорвала с берёзовой ветки листок, завернула в него пяток земляничин и первому, как старшему, протянула мне» [2, 30]. Березовый пирожок как шаржированный образ лета, леса, солнца и земляники вызывает у читателей улыбку и, вместе с тем, придает рассказу поэтичность и детскость, что обусловлено в первую очередь ад-

ресатом произведения Коваля, пронизанного лирический пафосом: «Очень вкусным оказался берёзовый пирожок. Земляничкой от него пахло и солнцем, лесным летом, глухим лесом» [2, 30].

В сказке Сергея Козлова «Кит» в название также вынесен зооморфный образ, вызывающий известные каждому впечатления и круг ассоциаций, но, однако, не настраивающий на сказочное. Сказка начинается с игрового компонента: «Однажды Зайцу показалось, что деревья – водоросли, небо – вода, а сам он – рыб несколько персонажей: «Заяц плыл, перебирая лапами, подгребая ушами и хвостом.

– Что это ты делаешь, Заяц? – спросила Белка.

– Плыву.

И Белка поплыла рядом.

– Что это вы делаете? – спросил Хомячок.

– Не видишь? Плывём!

И Хомячок бочком, бочком поплыл следом» [5, 102].

Интересно, что в рассказе Коваля тоже встречалась игра, но, конечно, несколько иного порядка, нежели в прозе С. Козлова. Если в «Березовом пирожке» игровой компонент служит для разоблачения фантастического, то в сказке «Кит» игра персонажей, вообразивших себя рыбами, наоборот, выстраивает сказочное пространство. Далее по тексту сказки к ним присоединяется Медвежонок, а Ежик, пьющий чай, начинает рыбачить «друзей-рыб»: «Потом стал большой рыбой Медвежонок... Ежик сразу сообразил, что к нему плывут рыбы, и сбегал за удочкой...

– Здорово! – сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай. – Так мы ещё никогда не играли!

– Ещё бы! – сказал Медвежонок. – Ведь никто из вас так и не догадался, что я был стареньким подслеповатым китом» [5, 102]. Китом оказывается Медвежонок, который «плыл, зажмурившись». Сюжет произведения выстроен по модели детского поведения. Сказка представляет собой игру, а в образах юмористически окрашенных персонажей пародируется поведение шустрых или, наоборот, медлительных и немного неуклюжих детей.

В отличие от рассказов Ю. Коваля, у С. Козлова диаметрально противоположное создание сказки. Если в рассказах происходит постепенное разоблачение фантастического, то есть автор следует от фантастического, заключенного в названии, к реалистическому повествованию, то в сказках Козлова мы наблюдаем антитетичное: писатель, тоже применяя прием «обманутого ожидания», следует от реального, заключенного в названии и никак не настраивающего на фантастическое, к сказочному.

### Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.
2. Коваль Ю.И. Чистый Дор (Рассказы). М.: Издательский Дом Мещерякова, 2012. 104 с.
3. Погорельский А. Черная курица, или подземные жители. М.: Эксмо, 2009. 480 с.
4. Якутин Н.В. Домострой. М.: Экономическая газета, 2012. 304 с.
5. Козлов С.Г. Все-все-все о Ежике. М.: Азбука-классика, 2007. 289 с.

## THE FEATURES OF HUMOR IN THE FAIRY TALES BY SERGEY KOZLOV AND IN THE STORIES BY YURIY KOVAL

**Chernova Mariya Mihaylovna,**

*teacher of Russian language and literature  
of State Budget Educational Institution school 1770,  
the graduate student  
of Moscow state pedagogical University  
(Moscow, Russia)  
tel.: 8 (916) 889-40-41, e-mail: ptashka10@mail.ru*

*The article analyzes the features of the humor as the phenomenon of children's fairy tale prose. The great attention paid to the comparative analyzes the verbal text of the fairy tales by Sergey Kozlov and the stories by Yuriy Koval.*

**Keywords:** *humor; game, fantastic, individual style.*

### References

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetic of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 445 p.
2. Koval Yu.I. Chisty Dor (Rasskazy) [Chisty Dor (Stories)]. Moscow, Meshcheryakov's Publishing House, 2012. 104 p.
3. Pogorelsky A. Chernaya kuritsa, ili podzemnye zhiteli [Black hen, or underground inhabitants]. Moscow, EKSMO Publ., 2009. 480 p.
4. Yakutin N.V. Domostroy. Moscow, Ekonomicheskaya gazeta Publ. [Economic newspaper Publ.], 2012. 304 p.
5. Kozlov S.G. Vse-vs-vse o Yozhike [Everybody about the Hedgehog]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2007. 289 p.